

На поверхности вода булькала и хлюпала, отчего Сюэ Сяню на дне тоже стало беспокойно.

С каменным лицом он ещё некоторое время лежал, как утопленник, пока наконец не начал ощущать своё тело и постепенно обретать над ним контроль.

Он попытался повернуть голову — и едва сделал это, как в нескольких чжанах от себя увидел погружающийся каменный замок. Замок был огромный, размером с пол-гроба. Основание — квадратное, массивное, сверху — острый выступ с отверстием, сквозь которое была продета тонкая железная цепь. Цепь была натянута в струну, будто что-то тянуло её с другого конца.

Сюэ Сянь задрал голову и увидел: на том конце цепи болталось нечто, напоминающее ключья старой ваты, а вокруг плавали чёрные водоросли...

Нет, ни вата это, ни водоросли!

Он внезапно вспомнил, как по пути на остров Могильный Холм Лу Няньци, вскрикнув от испуга, рассказал, что увидел за бортом: «Вдруг заметил под лодкой что-то тёмное, мелькнуло — подумал, волосы. Хотя, наверное, просто водоросли. Будь то волосы, человек бы на поверхность всплыл, а не болтался бы на полпути.»

Сюэ Сянь окинул взглядом каменный замок и цепь и наконец понял, почему человек не всплывал: его за ногу приковали, и он был вынужден торчать в воде столбом.

Он тряхнул головой — течение принесло обрывок порванной цепи.

Судя по разрыву, вероятно, цепь лопнула, когда он бушевал посреди реки.

Сюэ Сянь задумчиво уставился вверх, затем молча сосредоточился, и когда верхняя часть тела наконец стала послушной, занёс переднюю лапу, чтобы ударить по цепи.

Однако... промахнулся.

Сюэ Сянь: «...»

С каменным лицом он посмотрел на свою лапу, и у него даже зубы заболели. Привыкнув к человеческому телу, где рука вытягивалась как хотел, он и забыл, что у драконьей лапы... несколько коротковатый размах.

Короче говоря, наш повелитель промахнулся, и причина была проста... не дотянулся.

В душе он даже вздохнул с облегчением: слава небесам, все спутники либо в обмороке, либо пропали, а то увидели бы они такое — житья бы не было, особенно этому надоедливому лысому монаху!

Повелитель, задрав голову, молча пополз вперёд по мягкому илу на дне, и его длинная, ничего не чувствующая нижняя половина проехала по груди Сюань Миня.

Сюань Минь, бывший без сознания, слегка пошевелил пальцами — казалось, в нём пробудилось какое-то сознание.

Острые когти Сюэ Сяня впились в цепь — будто нож в масло. Крепкая железная цепь мгновенно была перерублена, нижняя часть с глухим звоном медленно пошла ко дну, а привязанное к верхней части тело стало медленно всплывать к поверхности.

«Ц-ц-ц... Всё ещё нелегко даётся», — пробормотал про себя Сюэ Сянь. Драконье тело было для него всё ещё неудобным: просто чтобы приподнять верхнюю часть и порвать цепь, потребовалось столько сил, будто он, подняв тяжёлый груз, взобрался на вершину изящной пагоды, — лапы уже дрожали.

Он плавно опустился на дно реки, его огромная голова безжизненно легла на мягкий ил, и, приняв самую энергосберегающую позу, он уставился на каменный замок с цепью, не отрывая глаз.

Бегло осмотрев его, он снизошёл до того, чтобы поднять свою коротенькую переднюю лапку и легонько поддеть замок, перевернув его.

На нижней плоскости замка, в углу, обнаружилась вырезанная круглая метка.

Слушаясь городских сплетен, Сюэ Сянь слышал, что многие мастера любят оставлять свои знаки на сделанных вещах. Если позволяло место — оставляли крупный, вроде живой вывески. Если нет — помещали маленький в каком-нибудь неприметном уголке, часто замысловатый, так что с первого взгляда и не поймёшь, что к чему.

Сюэ Сянь размышлял: вряд ли кто-то станет просто так, от нечего делать, приковывать тела и играть с ними — наверняка в этом был свой умысел. Связав это с тем зловещим раскладом «Сотня воинов, направляющих поток», что он видел в гробнице на острове Могильный Холм, он почувал: эти прикованные стоячие группы тоже как-то связаны с тем нечистым делом.

Всё, что было в гробнице, взрыв, устроенный лысым монахом, обратил в пыль, и никаких зацепок, наверное, не осталось.

Он постучал когтем по илистому дну, подумал ещё мгновение и решил всё-таки на время стать тем самым «человеком, которому нечего делать». И потому, взмахнув длинным телом, он поднял подводное течение и погнал каменный замок к берегу.

Течение было бурным, сила — немалой. Сюэ Сянь и вовсе воспользовался этим напором, подхватил лежавшего под ним Сюань Миня и вместе с ним двинулся к берегу.

Широкая река для него была всего лишь расстоянием, на которое нужно повернуть голову и взмахнуть хвостом, — в мгновение ока он оказался у берега вместе с каменным замком и Сюань Минем.

Он взмахнул верхней частью тела — и без всякого ветра поднялась огромная волна, что вынесла каменный замок и Сюань Миня на илистый берег. Сюэ Сянь повернул голову и, окутанный белой пеной, в мгновение ока превратился в человеческий облик, а затем —

И в следующее мгновение снова стал драконом.

Сюэ Сянь: «.....»

Чёрт! Одежды-то нет!

Прежний бумажный человечек был нарисован им самим, и одежда при нём была. А теперь, вернувшись в изначальное тело... возникла неловкость.

Он задрал голову и чуть не опрокинулся назад от злости. С видом человека, умершего с открытыми глазами, он погрузился на дно, испытывая полное отвращение к жизни.

Спустя некоторое время чёрный тоненький червячок... тьфу, дракон, длиной в несколько цуней, по гребню волны дополз до самого берега и оказался на мели. Он уставился в небо, молча испустил долгий вздох, затем, не проронив ни звука, подполз к Сюань Миню, забрался к нему в рукав и обвился вокруг запястья, словно тонкий шнурок.

В момент, когда прохладная скользкая чешуя коснулась кожи, Сюань Минь внезапно открыл глаза.

У драконьего тела есть чешуя. На спине она твёрже всего, похожа на доспехи; ближе к голове чешуйки крупнее, ближе к хвосту — мельче. Если снять одну такую — её лезвие будет острее тончайшего ножа. Однако чешуя на брюхе, по сравнению со спиной, гораздо мягче. Ещё в постоялом дворе Гуйюнь Сюэ Сянь оставил Сюань Миню именно брюшную чешую.

Этот негодник был горделивого нрава и безосновательно считал, что большинство людей склонны к глупостям и обладают свиным умом, не внушающим доверия. Он боялся, что, оставь он чешуйку со спины, лысый монах, не зная, что её нужно сначала растереть в порошок для лекарства, проглотит её как есть, порежет губы и рот и испустит дух прямо в комнате — вот тогда будет весело.

Короче говоря, у этого негодника было относительно мягкое брюшко.

А головная боль заключалась в том, что, уменьшившись, чешуя по всему его телу тоже стала нежной и мягкой. Даже самая твёрдая спинная чешуя теперь гнулась и скручивалась, утратив остроту и оставшись лишь слегка упругой, не говоря уже о брюшной.

Сюэ Сянь молча опустил голову и попробовал ткнуть себя когтем — и, мать его, от нажатия оставалась ямка, ничуть не отличаясь от кожи обычного человека, а то и будучи ещё мягче. Самое же ужасное — его брюхо даже не чувствовало боли!

Острые, как бритва, драконьи когти вонзились в мягкое брюхо — и никакой боли! Стало быть, и когти тоже изрядно смягчились.

Сущее унижение достоинства.

Поскольку вся чешуя бесславно размякла, Сюэ Сяню, обвившемуся вокруг руки Сюань Миня, было как-то не по себе —

Рука у этого лысого монаха, конечно, радовала глаз: выступающие косточки запястья, длинные и тонкие пальцы. Но для Сюэ Сяня, снизошедшего до того, чтобы обвиться вокруг запястья, это было не слишком удобно: кость упиралась прямо в его брюшную чешую, словно, когда лежишь на животе, под ним перевёрнутая половинка тыквы-горлянки. Боли не было, но неприятно давило.

Чрезвычайно раздражало!

С каменным лицом Сюэ Сянь царапнул эту кость лапкой — и ни единой царапины не оставил, лишь, наверное, доставил лысому монаху щекотное удовольствие. Тут же взбешённо отвернулся, безжизненно обвис, не желая шевелиться.

Этот негодник был полон внутренних драм, нрав имел скверный и умудрялся довести себя до белого каления — талант, что и говорить.

Но, ёрзая туда-сюда, он быстро привлёк внимание Сюань Миня.

Открыв глаза, Сюань Минь какое-то время с каменным лицом смотрел на хмурое небо над головой. Его тёмные, бездонные зрачки были глубоки, но в них мелькала пустота.

Затем он нахмурил брови, потому что уловил слабый, но ощутимый запах крови, смешанный с сыростью речной воды. Падая в воду, он закрыл глаза, чтобы произнести заклинание, и в рот и нос вода не попала, но долгое пребывание на глубине сдавило грудь колющей болью.

<http://bllate.org/book/16289/1467966>